

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-7-116-139

УДК 31 (316.334.52)

ИСТОЧНИКИ СОЦИАЛЬНОГО ОПТИМИЗМА: ОПЫТ МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Горбачева Е.И., Губина Н.К., Натробица О.В.

В статье представлены результаты межпоколенческого анализа социального оптимизма и источников его сохранения в условиях регионального социума. Социальный оптимизм рассматривается как позитивное определение важнейших измерений социального бытия индивидов и их групп. Конкретизированы и представлены в специально разработанной анкете компоненты социального оптимизма – позитивное самочувствие, причастность к общественной жизни региона, удовлетворенность властью, вера в завтрашний день, позитивное отношение к переменам, позитивная оценка социальной инфраструктуры, удовлетворенность своим социальным окружением. Показано, что процесс развития социального оптимизма в поколенческих группах имеет свои особенности и поддерживается разными ресурсными характеристиками. В группе «дети перестройки» источниками сохранения и наращивания социального оптимизма служат интернальный локус контроля, региональная идентичность и социальный капитал. Для «детей нулевых» приобретают больший вес такие источники, как диспозиционный оптимизм и уровень экономических притязаний. В группе «дети застоя» важную роль играют информированность о положительных явлениях в жизни и реалистичность уровня экономических притязаний. Главными источниками оптимизма в группе «дети Победы» служат социальный капитал и региональная идентичность. Результаты проведенного исследования указывают, что выработка мер по формированию социального оптимизма должна опираться на дифференцированный подход, который должен учитывать: а) особенности выраженности компонентов социального оптимизма и их структуры в поколенческих группах; б) анализ конкретных источни-

ков, питающих оптимизм в поколенческих группах, и обеспечивающих сохранение его на оптимальном уровне.

Ключевые слова: *социальный оптимизм; межпоколенческий подход; источники оптимизма.*

SOURCES OF SOCIAL OPTIMISM: THE INTERGENERATIONAL ANALYSIS

Gorbacheva E.I., Gubina N.K., Natrobina O.V.

The article presents the results of the intergenerational analysis of social optimism and the sources of its preservation in the conditions of regional socium. Social optimism is viewed as a positive definition of the most important dimensions of the social life of individuals and their groups. The components of social optimism are formulated and presented in a specially designed questionnaire – positive self-image, involvement in community life, satisfaction with authorities, confidence in tomorrow, a positive attitude towards change, a positive assessment of social infrastructure, satisfaction with social environment. It is shown that the process of development of social optimism in generational groups has its own characteristics and is supported by different resource characteristics. In the group of “children of perestroika”, the sources of preservation and escalating social optimism are the internal locus of control, regional identity and social capital. For “children of 2000’s” acquire more weight such sources as dispositional optimism and the level of economic aspirations. In the “children of stagnation” group, awareness of positive events in life and the realistic level of economic claims play an important role. The main sources of optimism in the “Victory children” group are social capital and regional identity. The results of the study indicate that the development of measures for the formation of social optimism should be based on a differentiated approach, which should take into account: a) the features of the expression of the components of social optimism and their structure in generation groups; b) analysis of specific sources feeding optimism in generational groups.

Keywords: *social optimism; intergenerational analysis; sources of optimism.*

Обзор литературы

Понятие «оптимизм» было введено в научный оборот в середине восемнадцатого века немецким философом Г. Лейбницем. Во второй половине двадцатого века этот феномен начали изучать представители многих гуманитарных наук – антропологи [Л. Тайгер, 1995] психологи [К. Левин, Дж. Келли, Дж. Роттер], социологи. Наиболее глубоко проблемы социального оптимизма были рассмотрены в психологии, где сложились два основных подхода к анализу оптимизма. В психологии оптимизм рассматривается или как атрибутивный стиль, в когнитивных категориях, таких как цель, каузальная атрибуция или как диспозиционный оптимизм, связанный с категорией ожидания [3;4]. В настоящее время психологи исследуют оптимизм как часть психологического капитала или личностного потенциала, который представляет собой создание положительной установки, стремления следовать к успеху в настоящем и в будущем [5; 11;12;13]. В экономической психологии ученые выделили феномен необоснованного оптимизма (нереальный, смещенный или сравнительный оптимизм) [15]. Он представляет собой разницу между оценкой риска человеком для себя и оценкой риска, предложенной соответствующими объективными стандартами. Необоснованный оптимизм проявляется также при сравнении себя с другими в неоправданно благоприятном свете. В качестве причин могут быть рассмотрены мотивационные факторы, желание уменьшить ущерб, или когнитивные процессы, склонность к позитивному смещению, эгоцентрическое мышление или чрезмерное использование эвристики репрезентативности [10, с. 142].

Современные российские психологи в своих исследованиях оптимизма опираются на сложившиеся в зарубежной психологии подходы и теории таких ученых, как М. Селигмен, Ч. Шейер, М. Карвер [6, 9, 14].

В отечественной социологии оптимизм начал изучаться еще в СССР конце 1920-х, начале 30-х годов, затем в 60-е годы интерес к нему возродился в рамках советской эмпирической социологии [7]. В качестве индикатора оптимизма использовались показатели,

связанные с удовлетворенностью нынешней ситуацией: работой, семьей, досугом, действиями власти и др. В настоящее время проблемы социального оптимизма в российской социологии рассматривают такие ученые как Е.В. Балицкий [1], С.К. Боташова [2], Темницкий [8].

Постановка задачи

Проведенное нами исследование рассматривает социальный оптимизм с позиций межпоколенческого подхода, что позволяет расширить знания об источниках социального оптимизма.

Оперирование понятием «*социальный оптимизм*» как ключевым конструктом исследования потребовало его дополнительного пояснения и обоснования. Термин «социальный оптимизм» конвенционально употребляется для обозначения уровня удовлетворенности актуальным и ожидаемым благополучием, для оценки общего позитивного восприятия жизни у индивидов и их групп. Соответственно, выделяются показатели, отражающие как удовлетворенность нынешней ситуацией (работа, семья, досуг и пр.), так и отношение к ожидаемому будущему. Этот последний показатель, характеризующий «веру в завтрашний день», получил самое широкое распространение вследствие его регулярного использования для измерения индексов социальных настроений в общероссийских и региональных социологических опросах.

В настоящем исследовании социальный оптимизм рассматривается в более широком концептуальном ключе. Это вера в эффективность социальных преобразований и готовность в них участвовать, видение будущего своего региона, себя, свою семью, свой бизнес в этом будущем.

Среди *показателей социального оптимизма* будут рассмотрены следующие. «*Эмоциональный настрой*» отражает доминирующую эмоцию (радость, удовлетворение, надежду, гнев, отчаяние), испытываемую индивидами в отношении собственного будущего. Показатель «*позитивные ожидания*» характеризует содержание временной перспективы, ее наполняемость приятными событиями. Показатель

«причастность к общественной жизни региона» раскрывает широкий спектр планируемых индивидом действий по улучшению жизни (в форме социального предпринимательства, электорального поведения, гражданской активности и пр). Показатель «удовлетворенность властью» отражает веру в эффективность власти и ее способность позитивно влиять на актуальный и перспективный уровни общественной жизни. Показатель «вера в завтрашний день» раскрывает возможность индивида увидеть себя, свою семью, свое дело, свое территориальное образование в будущем и принять это будущее как желанное и осуществимое. Показатель «позитивное отношение к переменам» указывает на готовность принять и одобрить осуществляющиеся нововведения в социальной и экономических сферах. Показатель «удовлетворенность социальной инфраструктурой» свидетельствует о степени переживаемого комфорта в повседневных условиях жизни в своем городе (или селе). Показатель «социальное самочувствие» традиционно рассматривается как индикатор благополучия и счастья индивида, результат наиболее полного удовлетворения своих фундаментальных потребностей в качестве члена социальной общности. И, наконец, показатель «удовлетворенность социальным окружением» свидетельствует о позитивном восприятии среды межличностного взаимодействия.

Под *источником социального оптимизма* понимаются такие ресурсные характеристики индивида, которые обеспечивают оптимальный уровень социального оптимизма, сохраняя и поддерживая его. В качестве одного из ведущих источников может выступить так называемый *диспозиционный оптимизм*. Это стабильная личностная характеристика, отражающая позитивные ожидания индивида относительно будущего и его готовность реагировать на трудности и неудачи в адаптивной манере, увеличивая усилия и настойчивость при стремлении достичь цели.

Другим источником социального оптимизма может служить внутренний *локус контроля*, свидетельствующий об интернальной атрибуции ответственности. Те, кто осознает преимущественно собственную ответственность за судьбу более инициативны и рас-

считывают, в первую очередь, на собственные усилия в достижении поставленной цели.

В число источников, поддерживающих оптимизм, правомерно включить *социальный капитал*, а именно способность устанавливать доверительные и взаимовыгодные связи как внутри своей общности, так и за ее пределами.

Информированность о положительных явлениях жизни является таким ресурсом, который обеспечивает заинтересованный информационный обмен между индивидом и социальной средой.

Региональная идентичность как приверженность месту своего проживания, местный патриотизм может рассматриваться как несомненно мощный источник, «питающий» социальный оптимизм.

Такой источник социального оптимизма, как *уровень экономических притязаний* характеризует масштаб и степень трудности достижения целей, которые ставит перед собой индивид в отношении повышения своего благосостояния или осуществления потребительских практик. Близкий к высокому и высокий уровни притязаний расширяют пространство целеполагания, наполняют его аффективно заряженными смыслами.

Реалистичность притязаний как источник социального оптимизма действует противоположным образом, а именно помогает ему держаться в оптимальных границах. Благодаря этому минимизируется опасность резкого падения оптимизма в неожиданно изменившихся и неблагоприятных экономических и политических условиях.

В данной статье представлены результаты социологического исследования источников социального оптимизма. В качестве исходного методологического принципа построения исследования был взят *поколенческий подход*. Под «поколением» здесь имеется в виду совокупность людей, родившихся в определенном интервале времени. За точку отсчета границ поколения принимается историческое событие, оставшееся в памяти данного поколения.

Методическую основу исследования составил анализ социального оптимизма четырех поколенческих групп. Дадим их краткую характеристику.

Воздействие советского менталитета на характеристики общественного сознания наиболее ярко выражены у старшего поколения (старше 60 лет). Их личностные диспозиции были сформированы институциональными условиями СССР и опирались на приоритет общественных ценностей над индивидуальными.

У поколения (40–60 лет) личностные диспозиции на начальном этапе (советский период) формировались под воздействием институциональных норм социалистического общества, но сила их была значительно ослаблена внешней декларативностью провозглашаемых ценностей, утратой веры в идеалы коммунистического будущего.

Поколение, которому сейчас от 26-ти до 40 лет, формировалось под массивным воздействием ценностей рыночной экономики. Главной ценностью выступало материальное обогащение. Этические нормы утратили свое значение, оказалось размыто различие между добром и злом.

Период первичной социализации группы 18–25 лет пришелся на первое десятилетие XXI века. Главными факторами, повлиявшими на характеристики общественного сознания представителей этой группы, стали сужение сферы гражданского общества, рост коррупции, декларирование амбициозных проектов и экономических целей на фоне уменьшения возможности для самореализации, распространение ценностей общества массового потребления.

На основе указанных выше критериев нами были выделены четыре поколенческие группы для исследования социального оптимизма: «дети Победы» (старше 61 года), время рождения – 1945–1950 гг., время реализации поколения – 1970–1985 гг.; «дети застоя» (41–60 лет), время рождения – 1960–1970 гг., время реализации поколения – 1985–2000 гг.; «дети перестройки» (25–40 лет), время рождения – 1980–1985, время реализации поколения – 2005–2015 гг., «дети нулевых» время рождения – 1987–1992 гг., время реализации 2012–2027 гг.

Проверке подлежали следующие исследовательские гипотезы.

1. Уровень социального оптимизма будет по-разному представлен в различных поколенческих группах: более высокий уро-

вень социального оптимизма покажет старшая молодежная группа «дети перестройки», самый низкий уровень – «дети Победы».

2. Каждая из поколенческих групп обладает своеобразной структурой социального оптимизма.
3. Характер зависимости социального оптимизма от различных источников будет иметь свои особенности в каждой из поколенческих групп.
4. Для каждой поколенческой группы может быть выявлен свой состав источников социального оптимизма.

Проверка этих гипотез потребовала решения следующих задач.

1. Определение феномена социального оптимизма.
2. Обоснование показателей и источников социального оптимизма.
3. Разработка методических инструментов на основе выделенных конструктов.
4. Проведение опроса на выборочной совокупности представителей четырех поколений.
5. Выявление источников формирования социального оптимизма в различных поколенческих группах

Описание исследования

Характер поставленных задач определил содержание и основные шкалы специально разработанной исследовательской методики. Анкета включает следующие шкалы: шкала показателей социального оптимизма; шкала источников социального оптимизма; Анкета содержит 115 вопросов, позволяющих получить необходимую для анализа информацию о показателях социального оптимизма: «эмоциональный настрой», «позитивные ожидания», «планы на будущее», «гражданская активность», «электоральная активность», «протестная активность», «социальная предприимчивость», «вклад в создание институциональной инфраструктуры», «социальное самочувствие», «уровень удовлетворенности властью», «удовлетворенность социальным окружением», «информационная активность», «вера в за-

взрашний день», «позитивное отношение к изменениям», «уровень удовлетворенности социальной инфраструктурой».

Следующая шкала анкеты позволила получить информацию об источниках социального оптимизма: «диспозиционный оптимизм», «информированность о положительных явлениях жизни», «региональная идентичность (местный патриотизм)», «локус контроля», «социальный капитал», «уровень экономических притязаний», «реалистичность притязаний».

Была сформирована выборочная совокупность. Численность каждой из субгрупп составляла 125 человек. Объем выборки был достаточен для выявления влияния как внутренних условий, так и внешних детерминант, определяющих специфику проявления социального оптимизма.

Перейдем к обсуждению результатов исследования социального оптимизма поколенческих групп.

Анализ среднегрупповых показателей социального оптимизма продемонстрировал следующее.

1. В поколенческих группах «дети нулевых», «дети перестройки» и «дети застоя» проявился умеренный позитивный настрой. У представителей этих групп преобладают такие эмоции как радость, надежда, удовлетворение. Исключением является группа «дети Победы», где часто встречаются упоминание об «обиде» и «отчаянии».
2. Показатель «позитивные ожидания» имеет самые высокие оценки в первой и второй группах, самые низкие – в четвертой группе. Надо отметить, что эта группа («дети Победы»), оказалась самой неоднородной по степени выраженности этого показателя (величина минимальных и максимальных значений и дисперсии здесь значительно отличаются от аналогичных величин в других поколенческих группах).
3. В отношении показателя «причастность к общественной жизни» все группы продемонстрировали одинаково невысокие результаты, при этом наименьшую веру в позитивные изменения и желание что-то изменить в своем окружении показали «дети нулевых».

4. Средние показатели «социального самочувствия» лежат в зоне умеренно высоких результатов и значимо не различаются, представители практически всех поколенческих групп связывают свои положительные эмоции с семейными отношениями. Более пессимистическими у респондентов всех субгрупп являются мысли о жилищных условиях и материальном положении.
5. Оценка показателя «удовлетворенность властью» в составе социального оптимизма оказалась наиболее противоречивой. Уверенность в эффективности областной власти продемонстрировала только группа «дети застоя», представители остальных поколенческих групп были настроены более критично в своих оценках по этому показателю, особенно это проявилось в группе «дети нулевых».
6. Показатель «вера в завтрашний день» получил неоднозначную оценку в субгруппах. Наибольшей уверенностью в перспективах положительных изменений в краткосрочном периоде отличались две молодежные группы, их оценки оказались значимо выше по сравнению с оценками этого показателя представителями старших поколений.
7. Оценка показателя «позитивное отношение к изменениям» (имеется в виду изменение облика городов, районных центров, поселков), «нововведения в социальной и экономической сферах» оказалась практически одинаково выраженной во всех поколенческих группах. Наибольший разброс в оценках выявлен в молодежной выборке «дети нулевых», что свидетельствует о неоднородности адаптационного ресурса данной субгруппы.
8. Ни одна из поколенческих групп не продемонстрировала высокую или хотя бы умеренную удовлетворенность социальной инфраструктурой. Наименьший оптимизм вызвали сфера ЖКХ, здравоохранение и система дошкольного образования.
9. Во всех поколенческих группах показатели удовлетворенности социальным окружением находятся в зоне умеренно высоких результатов. Более критичными в отношении своего социального окружения оказались представители группы «дети Победы».

Среднегрупповые показатели указывают на тенденции в межпоколенческих различиях в уровне социального оптимизма. Эти данные требуют дополнительного изучения и анализа. Для этого мы сочли необходимым расширить применяемые способы оценивания.

Информационно более ёмкими могли, на наш взгляд, стать такие из них, как:

- 1) индекс оценок социального оптимизма, указывающий вектор, в котором формируется субъективное отношение к социальной действительности (этот вектор может быть как положительным, указывающим на наличие социального оптимизма, или отрицательным, свидетельствующим о негативном восприятии действительности – пессимизме).
- 2) способ оценивания, направленный на раскрытие величины и структурных особенностей социального оптимизма в каждой из групп; такие оценки проводились путем подсчета только доли положительных ответов по каждому из показателей оптимизма.
- 3) способ оценивания, позволяющий агрегировать результаты измерения оптимизма и пессимизма в каждой из поколенческих групп. Для этого необходимо получить частное от деления численности (%) в группе оптимистов на пессимистов. Если в числителе показателя (количество оптимистов) значение выше единицы, то это означает преимущественное тяготение данной группы к позитивному видению условий и возможностей своих перспектив в конкретных видах жизнедеятельности, значение меньше единицы свидетельствует о тяготении группы к пессимистическому видению социальной действительности. *Таким образом, возможно установить не только интегральную величину оптимизма/пессимизма в subgroupах, но и определить её выраженность для конкретных видов оптимизма.*

Можно увидеть, что наибольший разрыв между поколениями наблюдается по показателю «вера в завтрашний день». Наиболее оптимистично смотрят в свое будущее «дети перестройки». Боль-

шинство из них верят, что в ближайшие 1,5–2 года их доходы возрастут, они улучшат свои жилищные условия, приобретут товары длительного пользования, в том числе бытовую технику, поедут на отдых. На другом полюсе, в группе «дети Победы» царит глубокий пессимизм, абсолютное большинство опрошенных живут в страхе перед завтрашним днем. Относительно невысокие показатели «веры в завтрашний день» у «детей нулевых», что объясняется особым местом представителей этой группы в жизненном цикле семьи. Но по такому показателю, как вера в повышение дохода, они находятся на первом месте среди поколенческих групп; эти гипотетические деньги они направят, судя по ответам, на покупку новой одежды и обуви и поездку на отдых.

Группа «дети застоя» смотрят в будущее с весьма сдержанным оптимизмом. В повышение своего дохода верит примерно одна треть респондентов.

Показатель «причастность к общественной жизни» находится в зоне отрицательных оценок во всех поколенческих группах. Особенно велика неприязнь ко всякого рода общественным мероприятиям у респондентов «детей нулевых».

Несколько меньшие показатели отчужденности от общественной жизни демонстрируют группы «дети перестройки» и «дети застоя», что происходит, главным образом за счет более активного участия в выборах: более половины опрошенных из этих групп участвует в выборах в органы власти различных уровней).

Пять показателей, а именно: «социальное самочувствие», «удовлетворенность властью», «позитивное отношение к изменениям», «удовлетворенность социальной инфраструктурой», «удовлетворенность социальным окружением» у всех поколенческих групп находятся в зоне позитивного принятия. Наиболее высокие показатели социального самочувствия демонстрирует поколенческая группа «дети перестройки». Позитивные чувства – радость, удовлетворение, надежда – связаны у респондентов этой группы прежде всего с мыслями о семье, здоровье, о своей работе, о своем материальном положении, о городе, в котором они живут.

Самые низкие показатели эмоционального настроения имеет группа «дети Победы». Преобладание позитивных оценок над негативными здесь совсем небольшое. Негативные чувства – отчаяние и обиду – за то, что не заслужили они права на спокойную и обеспеченную старость испытывает почти половина респондентов – нет у них ни нормального жилья, ни нормального дохода, да и семья далеко не всегда приносит радость. В группах «дети нулевых» и «дети застоя» показатели эмоционального настроения несколько ниже, чем у «детей перестройки», но почти вдвое выше, чем у пожилых респондентов. Наиболее позитивные мысли у юной молодежи связаны с проведением досуга, у респондентов группы «дети застоя» – с профессиональной деятельностью и с городом, в котором они живут, а вот отрицательные мысли вызывает у многих представителей этих групп состояние своего здоровья.

Показатель «позитивное отношение к изменениям» демонстрирует примерно равный уровень положительных оценок у всех поколенческих групп. Респонденты почти единодушны в положительном отношении к благоустройству дворов и детских площадок, ремонту и открытию храмов, проведению различных культурных и спортивных мероприятий, проведению сельскохозяйственных ярмарок, покрытию тротуаров плиткой, ремонту дорог. Довольно близки позиции респондентов в неприятии таких явлений, как скупка земли москвичами, использование труда иностранных рабочих.

Оценка показателя «удовлетворенность социальной инфраструктурой» находится в зоне умеренно низких позитивных оценок. Относительно высокая оценка этого параметра у юной молодежи и «детей застоя», самая низкая – у пожилых людей

Оценка показателя «удовлетворенность властью» варьирует от 58% позитивных оценок у «детей застоя» до 10% таких оценок у «детей нулевых».

Оценка показателя «удовлетворенность своим социальным окружением» находится на рассматриваемом рисунке в зоне умеренно низких положительных оценок. Своим социальным окружением в наибольшей степени удовлетворены «дети перестройки» и «дети

застоя», более низкие оценки имеют «дети Победы», значительная часть юной молодежи разочарована в своем непосредственном окружении.

Задачей следующего этапа исследования выступило изучение структурных характеристик социального оптимизма в изучаемых поколенческих группах.

Если принять максимально возможную величину социального оптимизма у респондентов за 900% (100% умножить на 9 измеряемых показателей), то в группе «дети нулевых» общий показатель составит 72,2%. До «идеального» оптимиста юной молодежи не достаёт 17,2%. Вместе с тем структура социального оптимизма в этой группе деформирована.

Величина социального оптимизма в группе «дети перестройки» составляет 44,1% от максимально возможной. Наибольший дефицит имеют «удовлетворенность властью» и «причастность к общественной жизни региона».

Совокупная величина социального оптимизма в группе «дети застоя» составляет 45,8%, что практически не отличается от значений второй группы. Вместе с тем структура социального оптимизма в этой группе является более сбалансированной.

Совокупная величина социального оптимизма в группе «дети Победы» составляет 31,8% от максимально возможной, это значительно меньше, чем у группы юной молодежи. Основные «провалы» в этой группе наблюдаются в сферах «позитивные ожидания», «эмоциональный настрой» и «вера в завтрашний день».

Корреляционный анализ (по Пирсону) установил, что величины корреляционных коэффициентов, указывающих на связи между измеряемыми параметрами социального оптимизма, варьируют в достаточно широких пределах, от значимых отрицательных до тесных положительных, и эта закономерность проявилась во всех поколенческих группах. Вместе с тем число значимых связей (здесь учитывается уровень значимости не менее чем $p=0,05$) возрастает, и в самой старшей поколенческой группе число значимых положительных корреляционных связей равно 14.

Корреляционный паттерн показателей социального оптимизма в группе «дети нулевых» невелик и объединяет только три показателя). В группе «дети перестройки» этот паттерн расширяется, в него входят, помимо вышеупомянутых параметров, также «позитивное отношение к изменениям». Число достоверных корреляционных связей несколько возрастает, но по-прежнему остается достаточно много показателей, которые функционируют в структуре социального оптимизма автономно.

В поколенческой группе «дети застоя» в паттерн социального оптимизма не входит лишь показатель «удовлетворенность властью». Показатель «удовлетворенность социальной инфраструктурой» функционирует несколько независимо, будучи связан только с «социальным самочувствием».

Наиболее богат корреляционными связями и зависимостями паттерн социального оптимизма у поколенческой группы «дети Победы». Здесь все параметры в той или иной мере взаимосвязаны. Это единственная группа, где показатель «удовлетворенность властью» находится во взаимной зависимости с «социальным самочувствием», «позитивными ожиданиями» и с «позитивным отношением к изменениям».

Следует учитывать, что если показатели оптимизма автономны и функционируют независимо, вне их общей структуры, то это, с одной стороны затрудняет влияние на них (как сдерживающих, так и продвигающих) факторов. Каждый из таких автономно функционирующих показателей социального оптимизма будет нуждаться в особом воздействии, которое, в свою очередь, может оказаться неэффективным для других, не связанных с ним параметров.

С другой стороны, автономное существование большинства показателей и малые по объему его паттерны свидетельствуют о том, что оптимизм формируется и функционирует как закрытая система. Одним из следствий этого, к примеру, является свойственный юной молодежи «оптимистический фатализм»: «мы верим, что будем жить лучше», «мы верим, что деньги нас сами найдут», мы верим что «завтра будет лучше, чем вчера». Напротив, связанность, когерентность показателей социального оптимизма указывает на то, что параметры, входящие в единую структуру, легко поддаются внешнему воздей-

ствию, и изменение даже одного показателя (позитивного или негативного), может вызвать прирост или уменьшение как оптимизма, так и пессимизма в целом.

Для определения «точек роста», в которых осуществляется наращивание оптимизма, наиболее информативными являются характеристики источников социального оптимизма.

Рассмотрим данные, раскрывающие силу и характер зависимости (она определялась корреляционным анализом по Пирсону) конкретных показателей социального оптимизма от их возможных источников. Как и ожидалось, в наибольшей степени социальный оптимизм связан с диспозиционным оптимизмом как стабильной личностной характеристикой, отражающей позитивные ожидания субъекта в отношении будущего. Это не случайно, поскольку диспозиционный оптимизм тесно связан с факторами здоровья, жизнестойкости, адаптивности личности к стрессам. Умеренно высокую зависимость демонстрирует социальный оптимизм юной молодежи от такого источника, как «информированность о положительных явлениях жизни». В умеренной зависимости находятся показатели социального оптимизма респондентов этой группы от источников «региональная идентичность», «социальный капитал» и «уровень экономических притязаний». В данной группе не подтвердилась демонстрируемая в социологических исследованиях связь социального оптимизма и интернального «локус-контроля».

Тот факт, что оптимизм молодых питается из многих источников, объясняет высокий уровень оптимизма в этой группе по целому ряду измерений. Так, «уровень экономических притязаний» подпитывает эмоциональный настрой, позитивные ожидания и веру в завтрашний день. Можно сказать, что желание разбогатеть, прорваться в верхние слои общества греет души юной молодежи и придает ей силы.

Обратимся к источникам социального оптимизма в следующей группе.

В группе «дети перестройки» уровень социального оптимизма демонстрирует меньшую зависимость от анализируемых источников. Здесь проявляется такая тенденция: наибольший вес имеет ин-

тернальный «локус контроля», а именно готовность полагаться на себя. Умеренная зависимость существует между социальным оптимизмом и такими источниками, как «региональная идентичность» и «социальный капитал». Напротив, источники «диспозиционный оптимизм» и «уровень экономических притязаний», столь важные для «детей нулевых» не играют никакой роли в развитии социального оптимизма у респондентов этой группы.

Свои особенности имеет формирование социального оптимизма в группе «дети застоя». В качестве его основного источника выступает «социальный капитал», важную роль играет также «информированность о положительных явлениях в жизни». Гораздо меньший вклад в развитие оптимизма вносит такой источник, как «локус контроля», слабая «подпитка» идет от источников «региональная идентичность» и «диспозиционный оптимизм». Источник «уровень экономических притязаний», связан с показателями оптимизма иначе, чем это имеет место в группе «детей нулевых»: отсутствие ориентированности на успех, напротив, повышает уровень оптимизма в этой группе.

Главными источниками оптимизма в группе «дети Победы» выступают «социальный капитал» и «информированность о положительных явлениях в жизни». Существенно способствуют наращиванию социального капитала такие источники, как «диспозиционный оптимизм» и «региональная идентичность», а вот «локус контроля» и «уровень экономических притязаний» в этой группе практически «не работают», как это имеет место в других субгруппах.

Заключение

Исследование показало, что источники социального оптимизма в различных поколенческих группах существенно различаются.

- а) особенности структуры социального оптимизма в различных поколенческих группах, в частности необходимо выделять в этой структуре такие параметры, которые наиболее открыты для воздействия, а значит, влияя на эти параметры можно обеспечить наибольшую эффективность изменений социального оптимизма как целого;

- б) анализ конкретных источников, питающих оптимизм в поколенческих группах, и обеспечивающих сохранение его на определенном, оптимальном уровне;
- в) анализ совокупности конкретных факторов, детерминирующих изменения в уровне социального оптимизма, учет специфического характера их влияния в различных поколенческих группах.

Наиболее восприимчивой для управления социальным оптимизмом является группа «дети Победы». На это указывает, прежде всего, характеристика структуры их оптимизма, ключевыми звеном которой является показатель «удовлетворенность властью». Оказывая на него воздействие, можно изменять все остальные, тесно сопряженные с ним параметры. Актуализируя факторы «доверие к власти» и «наличие работы», можно производить желаемые изменения уровня социального оптимизма.

«Подпитка» со стороны источников «информированность о положительных явлениях жизни» и «социальный капитал» путем более активного включения представителей этой группы в социум определяет устойчивое наращивание их социального оптимизма. Вместе с тем, такой значимый для сохранения и повышения уровня социального оптимизма источник, как «информированность о положительных явлениях», чаще всего блокируется и не выполняет свою развивающую роль в данной группе.

Для повышения социального оптимизма в поколенческой группе «дети застоя» необходимо обеспечить постоянное действие таких его источников, как «социальный капитал» и «позитивное отношение к изменениям», а также использовать фактор «доверия к власти», который определяет сохранение в этой группе довольно высокого уровня социального самочувствия и оптимистичного отношения к будущему. Целесообразно способствовать развитию в этой группе социального предпринимательства, создавать условия для большей вовлеченности представителей этой группы в процессы происходящих в городе и области социально-экономические изменения.

Наибольшие трудности управления социальным оптимизмом обнаружены в поколенческой группе «дети перестройки». Пока-

затели социального оптимизма здесь выше, чем в других группах, но возможности их наращивания ограничены. Доминирующим в связке видов социального оптимизма в этой группе является «модернизационный оптимизм». В структуре оптимизма единственным открытым для воздействия звеном является здесь «позитивное отношение к переменам». Из этого следует, что воздействовать на оптимизм этой группы можно через вовлеченность её представителей в процесс нововведений. Следует учитывать и то, что значительным источником формирования оптимизма в этой группе является «региональная идентичность», поэтому важно усилить связь этой группы с местным социумом и активно воздействовать на формирование чувства принадлежности к «земле Калужской». Не последнюю роль в сохранении оптимизма и его наращивании играет интернальный локус контроля, который значимо отличает «детей перестройки» от представителей более старших поколений. Культивируя ответственность, самостоятельность и инициативность представителей данной группы, можно обеспечить развитие этого важного личностного ресурса, способствующего сохранению оптимального уровня социального оптимизма.

Проявления социального оптимизма в группе «дети нулевых» оказались не столь демонстративными, как в группе зрелой молодежи («дети перестройки»). Это, на наш взгляд, связано с особенностями структуры социального оптимизма юной молодежи: большинство её параметров функционируют автономно, и, соответственно, оказываются под воздействием разных, порою противоречивых, факторов. Вместе с тем, многообразный характер источников, непосредственно способствующих приращению социального оптимизма у юной молодежи, свидетельствует о том, что существуют возможности для роста социального оптимизма и влияния на этот рост. Наиболее перспективными, в данном случае, являются такие источники, как «региональная идентичность», «информированность о позитивных явлениях в жизни», «социальный капитал» и «уровень экономических притязаний». Включенность в социальные сети, расширение межличностных контактов в различных сферах обще-

ственной жизни, готовность к постановке амбициозных задач могут сыграть позитивную роль в формировании оптимизма у молодежи.

Среди факторов, детерминирующих большинство параметров социального оптимизма в данной группе, главную роль играет «свободное предпринимательство». Сила его детерминирующего воздействия для поколения «дети нулевых» несравненно высока по сравнению с другими поколенческими группами. Именно создание условий для экономического и социального предпринимательства может обеспечить стабильное повышение уровня социального оптимизма в группе «дети нулевых».

Список литературы

1. Балацкий Е.В. Роль оптимизма в инновационном развитии экономики // Общество и экономика. 2010. №1. С. 3–20.
2. Боташева Ш.Х. Социальный оптимизм молодежи в контексте современных социальных процессов Социокультурные трансформации в молодежной среде на рубежах XX и XXI веков. Сборник научных трудов // Материалы международной научно-практической конференции. Невинномысск, 2006, 332 с.
3. Крюкова Т.Л. Оптимизм/пессимизм в совладающем поведении субъекта: межпоколенческий аспект // Психологическое исследование: теория, методология, практика: Сборник материалов II Сибирского психологического форума. 30 ноября-1 декабря 2007 г. Томск: Томский государственный университет, 2007. С. 236–242.
4. Крюкова Т.Л., Замышляева М.С. Адаптация методики измерения диспозиционного оптимизма/пессимизма // Психологическое исследование: теория, методология, практика: Сборник материалов II Сибирского психологического форума. 30 ноября – 1 декабря 2007 г. Томск: Томский государственный университет, 2007. С. 548–552.
5. Муздыбаев К. Оптимизм и пессимизм личности // Социологические исследования. 2003. №12. С. 87–96.
6. Селигман Мартин Э.П. Новая позитивная психология: Научный взгляд на счастье и смысл жизни / Перев. с англ. М.: Издательство «София», 2006.

7. Сычев О.А. Психология оптимизма: учебно-методическое пособие к спецкурсу. Бийск: БПГУ им. В.М. Шукшина, 2008.
8. Темницкий А.Л. Социокультурные факторы оптимизма современной молодежи России // Социологические науки и социальная практика 2016, №4. С. 19–35.
9. Carver C.S. Optimism / C.S. Carver, M.F. Scheier // Handbook of Positive Psychology / Eds. Snyder C.R., Lopez S.J. Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 2002, pp. 231–243.
10. Harris A.J. L., U. Hahn. Unrealistic Optimism About Future Life Events: A Cautionary Note // Psychological Review. 2011. Vol. 118. №1. 135–154.
11. Held B.S. The tyranny of the positive attitude in America: Observation and Speculation // Journal of clinical psychology. Vol 58(9), pp. 965–992, 2002.
12. Norem J.K. The Positive Power of Negative Thinking: Using Defensive Pessimism to Harness Anxiety and Perform at Your Peak. New York: Basic Books. 2002. 248 p.
13. Peterson C., Steen T.A. Optimistic explanatory style // Handbook of Positive Psychology / Eds. Snyder C.R., Lopez S.J. Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 2002, pp. 244–256.
14. Sheier M.F. Coping with stress: Divergent strategies of optimists and pessimists / M.F. Sheier, J.K. Weintraub, C.S. Carver // Journal of Personality and Social Psychology. 1986. Vol. 51, pp. 1257–1264.
15. Weinstein N.D. Unrealistic optimism about future life events // Journal of Personality and Social Psychology. V. 39. №5. 1980, pp. 806–820.

References

1. Balatskiy E.V. *Obshchestvo i ekonomika*. 2010. №1, pp. 3–20.
2. Botasheva Sh.Kh. Social optimism of youth in the context of modern social processes Socio-cultural transformations in the youth environment at the turn of the twentieth and twenty-first centuries. Collection of scientific papers. *Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Materials of the international scientific-practical conference]. Nevinnomyssk, 2006, 332 p.
3. Kryukova T.L. *Psikhologicheskoe issledovanie: teoriya, metodologiya, praktika: Sbornik materialov II Sibirskogo psikhologicheskogo foruma*.

- 30 noyabrya – 1 dekabrya 2007 g [Psychological research: theory, methodology, practice: Collected materials of the II Siberian psychological forum. November 30 – December 1, 2007]. Tomsk, 2007, pp. 236–242.
4. Kryukova T.L., Zamyshlyayeva M.S. *Psikhologicheskoe issledovanie: teoriya, metodologiya, praktika: Sbornik materialov II Sibirskogo psikhologicheskogo foruma. 30 noyabrya-1 dekabrya 2007 g* [Psychological research: theory, methodology, practice: Collection of materials of the 2nd Siberian Psychological Forum]. Tomsk, 2007, pp. 548–552.
 5. Muzdybaev K. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2003. №12, pp. 87–96.
 6. Seligman Martin E.P. *Novaya pozitivnaya psikhologiya: Nauchnyy vzglyad na schast'e i smysl zhizni* [New Positive Psychology: A Scientific View on Happiness and the Meaning of Life]. M.: Izdatel'stvo «Sofiya», 2006.
 7. Sychev O.A. *Psikhologiya optimizma: uchebno-metodicheskoe posobie k spetskursu* [Psychology of optimism: a teaching aid to the special course]. Biysk: BPGU im. V.M. Shukshina, 2008.
 8. Temnitskiy A.L. *Sotsiologicheskie nauki i sotsial'naya praktika* 2016, №4, pp. 19–35.
 9. Carver C.S., Scheier M.F. Optimism. *Handbook of Positive Psychology* / Eds. Snyder C.R., Lopez S.J. Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 2002, pp. 231–243.
 10. Harris A.J. L., U. Hahn. Unrealistic Optimism About Future Life Events: A Cautionary Note. *Psychological Review*. 2011. Vol. 118. №1. 135–154.
 11. Held B.S. The tyranny of the positive attitude in America: Observation and Speculation. *Journal of clinical psychology*. Vol 58(9), pp. 965–992, 2002.
 12. Norem J.K. The Positive Power of Negative Thinking: Using Defensive Pessimism to Harness Anxiety and Perform at Your Peak. New York: Basic Books. 2002. 248 p.
 13. Peterson C., Steen T.A. Optimistic explanatory style. *Handbook of Positive Psychology* / Eds. Snyder C.R., Lopez S.J. Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 2002, pp. 244–256.
 14. Sheier M.F., Weintraub J.K., Carver C.S. Coping with stress: Divergent strategies of optimists and pessimists. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1986. Vol. 51, pp. 1257–1264.

15. Weinstein N.D. Unrealistic optimism about future life events. *Journal of Personality and Social Psychology*. V. 39. №5. 1980, pp. 806–820.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Горбачева Елена Игоревна, заведующий кафедрой философии,
доктор психологических наук, профессор
Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
ул. Степана Разина, 26, г. Калуга, Калужская область, 248023,
Российская Федерация
rectorat@tksu.ru

Губина Наталья Константиновна, доцент кафедры экономики,
кандидат экономических наук, доцент
Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
ул. Степана Разина, 26, г. Калуга, Калужская область, 248023,
Российская Федерация
rectorat@tksu.ru

Натробиная Ольга Владиславовна, доцент кафедры экономики,
кандидат экономических наук, доцент
Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
ул. Степана Разина, 26, г. Калуга, Калужская область, 248023,
Российская Федерация
rectorat@tksu.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Gorbacheva Elena Igorevna, Head of the Department of Philosophy,
Doctor of Psychological Sciences, Professor
Kaluga State University
26, Stepan Razin st., Kaluga, Kaluzhskaya oblast, 248023, Rus-
sian Federation
rectorat@tksu.ru

Gubina Natalya Konstantinovna, Associate Professor of the Department of Economics, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

Kaluga State University

26, Stepan Razin st., Kaluga, Kaluzhskaya oblast, 248023, Russian Federation

rectorat@tksu.ru

Natrobina Olga Vladislavovna, Associate Professor of the Department of Economics, Ph.D. in Economics, Associate Professor

Kaluga State University

26, Stepan Razin st., Kaluga, Kaluzhskaya oblast, 248023, Russian Federation

rectorat@tksu.ru